

ВАН Бинцзи,

аспирант кафедры восточнославянской филологии и информационно-прикладных исследований Учебно-научного института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; бульвар Шевченко, 14, г. Киев, 01033, Украина; тел.: +380637529500; e-mail: wangbj2013@foxmail.com; ORCID: 0000-0003-3981-4098

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С БУКВЕННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

Аннотация. *Цель* данной работы — раскрыть соотношение семантики фразеологических единиц (ФЕ) со значением их прототипов, содержащих в своей структуре имена букв, и рассмотреть механизм формирования этих ФЕ в когнитивном аспекте. *Объект* анализа — ФЕ с метафорически переосмысленными компонентами — названиями букв, а также их образные составляющие. *Предмет* исследования — структурно-семантические особенности метафорически переосмысленных компонентов ФЕ, когнитивные механизмы метафоризации и её роль в формировании ФЕ с буквенными компонентами. В исследовании использованы *методы* этимологического, когнитивного, ономазиологического и семантического анализа, а также описательный метод. *Результаты* исследования: выявлены структурно-семантические признаки ФЕ с буквенными компонентами и прояснён механизм метафоризации их формирования. *Выводы.* В процессе фразеобразования важную роль играют алфавитные метафоры, служащие способом осмысления многообразных фактов действительности и выражения эмоций, когнитивной матрицей для их интерпретации. В русском языке образование ФЕ с компонентами — названиями букв осуществляется по семи метафорическим моделям. Большинство таких единиц мотивированы зрительным образом буквы, а также её местом в алфавите. Две модели, в которых в качестве основания переноса выделяются орфография и нумеративная функция, уникальны. *Практическое применение* результатов исследования заключается в том, что они могут быть использованы в учебно-педагогической практике при чтении курсов по фразеологии русского языка, в разработке курсов по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, в составлении словарей.

Ключевые слова: фразеологическая единица, буквенные компоненты, алфавитная метафора, метафорическая модель, когнитивный подход.

Постановка проблемы. Фразеологические единицы языка представляют собой средство отражения познания человеком окружающего мира. Одним из универсальных способов фразеологизации является метафора, основанная на общих закономерностях логического и ассоциативного мышления человека. С древних времен цивилизованные народы использовали алфавитные метафоры, со-

поставляя реалии окружающей действительности и внутреннего мира человека с названиями букв. Данный факт в определённой мере объясняет значительное количество фразеологических единиц с буквенными компонентами в русском языке.

Несмотря на наличие огромного количества научных работ, посвященных изучению метафоры, описание метафорических переосмыслений ФЕ с буквенными компонентами недостаточно, особенно если учитывать не только названия букв старинной кириллицы, но и их современные аналоги.

Анализ последних исследований и публикаций. Общеизвестно, что метафора, которая обычно понимается как явление вторичной косвенной номинации при сознательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента (см., например: [17, с. 12]), присуща человеческому мышлению и языку. По утверждению В. М. Мокиенко, «наиболее активными образными способами создания фразеологических единиц являются сравнения и метафоры» [16, с. 167]. Как один из наиболее продуктивных способов формирования знаков вторичной номинации [19, с. 134–135], метафоризация является универсальным средством пополнения языкового инвентаря и играет большую роль во фразеобразовании при переосмыслении определенного сочетания слов на основе тех или иных ассоциаций и вызываемого ими образа. Основываясь на функции идентификации или познавательного отражения действительности, образуются оценочные и оценочно-экспрессивные метафоры, которые обладают способностью выражать чувства и эмоции. Значения ФЕ — это значения, сформированные на базе эмоционально окрашенных метафор с явно выраженными положительными или отрицательными коннотациями.

В рамках когнитивного подхода метафора считается механизмом мышления, с помощью которого одна концептуальная сфера, называемая областью цели метафорического переноса, представлена в терминах другой концептуальной сферы — области источника данного переноса [12]. Теория когнитивной метафоры представлена в трудах таких ученых, как Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Г. Н. Скляревская, А. П. Чудинов и мн. др.

В последние годы исследователи стали интересоваться метафорами с архаичными элементами, изучая их в составе фразеологизмов. В числе устаревших слов и их значений фразеологами анализируются и названия кириллических букв. Азбучные, или алфавитные, или буквенные, ФЕ активно исследуются с позиции терминологии [2] и лингвокультурологии [3; 15]. Их сопоставительный анализ в русском и украинском языках в когнитивно-культурологическом аспекте осуществлён Л. Ф. Фоминой и Г. С. Яроцкой [20; 21]. Культурно-историческая обусловленность модификации азбучных ФЕ, состоящая в закономерной системной замене архаичной лексики в их составе, рассмотрена Л. П. Дядечко и автором данной статьи [5]. Обращает на себя внимание то, что исследователи сосредоточены, в основном, на описании ФЕ с архаическими компонентами [см., напр.: 8], причём при изучении таких устойчивых оборотов обычно не учитывается продуктивность метафорических моделей, по которым они сконструированы.

Постановка задач. Целью настоящего исследования является раскрытие семантики ФЕ с буквенными компонентами, мотивирующими её, и рассмотрение механизма метафоризации, лежащей в основе формирования данных ФЕ, в когнитивном аспекте. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: систематизировать предыдущие исследования метафоризации во фразеобразовании; раскрывать сущность метафоры как способа формирования ФЕ с буквенными компонентами; проанализировать метафорические модели образования таких ФЕ в ономаσιологическом плане, продемонстрировав, какие знания о мире сохраняются в языке с помощью слов, обозначающих буквы.

Изложение основного материала. На основе когнитивного подхода «метафора рассматривается не только как семантический процесс, но и как основополагающий когнитивный процесс, без которого было бы невозможно получение нового знания» [14, с. 381]. Метафорическое переосмысление, как подчёркивает М. Н. Лапшина, отражает основной когнитивный процесс приобретения выводных знаний, когда новое знание формируется путём ассоциаций с каким-либо понятием, результатом когнитивной обработки которого является появление новых концептов [13, с. 93].

Как своеобразный когнитивный механизм познания окружающего мира и инструмент кодирования информации «метафора не только формирует представление об объекте, но также предопределяет способ и стиль мышления о нём» [1, с. 14].

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [12, с. 25]. Такая система создаётся, в частности, и при образовании ФЕ путём переосмысления свободных словосочетаний в целом либо их одного или нескольких компонентов.

В литературе отмечается, что метафора играет важную роль в формировании таких разновидностей ФЕ, как фразеологические сочетания и единства, значения которых обычно обусловлены образными представлениями [6, с. 4]. Как полагает А. В. Кунин и ряд других исследователей, переосмысление свободных сочетаний слов является результатом взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов. Техника такого переосмысления заключается в использовании старой формы для вторичного или третичного наименования путём переноса названий и семантической информации с денотатов прототипов ФЕ или фразеосемантических вариантов соответственно на денотаты ФЕ или фразеосемантических вариантов [10, с. 81].

Процесс фразеологической номинации предполагает использование конкретных структур знаний о человеческой деятельности и отношениях между людьми. Как писала В. Н. Телия, процесс идиообразования представляет собой вовлечение сочетания слов в метафору на основе подобия прямого, буквального смысла сочетающихся слов и того смысла, который характеризует номинативный замысел, и того, «что, к тому же, включено в определённую структуру знания о мире — некоторый “сценарий” или “фрейм”» [19, с. 60].

Важным ключом к познанию мира является азбука (см. об этом в: [18, с. 73–99]), поэтому неудивительно внимание к алфавитной метафоре, которая создаётся на основе ассоциаций с названиями букв, представляющими собой культурно-историческое явление, поэтому можно утверждать, что она антропометрична. В этом отношении метафора является способом эмоционального выражения, выступая в качестве посредника между самой эмоцией и языком, ср.: *Тогда ***, растопыря ноги наподобие буквы хера и подбочась наподобие ферт, произнёс следующую краткую и выразительную речь* (А. Пушкин. История села Горюхина)¹.

Имена букв для современного носителя русского языка соотнесены с их графическим образом и, особенно если это названия букв из старинной кириллицы, наделены экспрессивностью, поэтому они часто используются для метафоризации в формировании устойчивых оборотов разного типа. ФЕ с буквенными компонентами содержат чётко обозначенный метафорический перенос, который воспринимается на основе аналогии или ассоциации между разными системами понятий.

Образность ФЕ метафорического типа обеспечивается наличием в сознании носителей языка некоторой картинкой — редуцированной, типизированной определённым образом исходной ситуации, характеризующейся каким-либо важным для этноса признаком (или рядом признаков), который служит основанием для сближения с осваиваемой (именуемой с помощью ФЕ) ситуацией и сам по себе выступает знанием о мире. В зависимости от признаков, на базе которых осуществляется метафорический перенос, различают метафоры по форме, цвету, месторасположению, функции. При более подробном описании в учебной и научной литературе называются также и другие признаки. Наиболее развёрнутая классификация, разработанная на основе русской метафорики, включает 17 групп признаков [11, с. 137]. Однако (и на исследуемом материале это подтверждается в дальнейшем изложении — ср., например, третий признак из приведенных далее, реализуемый только в группе азбучных метафор) этот перечень, по-видимому, является открытым, так как не конечен список возможных ситуаций действительности.

Изучая «азбучные» ФЕ, Л. Ф. Фомина и Г. С. Яроцкая называют следующие экстралингвистические параметры, на которые опирается денотативная информация, т. е. информация, передаваемая идиомами: «1) место буквы в алфавите; 2) определённый порядок следования букв; 3) сложность написания слова с данной буквой; 4) зрительный образ буквы» [20, с. 191].

В ономазиологическом плане такие разновидности могут быть представлены как метафорические модели. Если прибегнуть к классической квинтилиановской типологии метафор, опирающейся на подобие живых, неживых и неодушевлённых предметов в разных комбинациях этих групп [22, с. 19], в наше время популярной в упрощённой форме, где сравниваются: 1) живое — живое, 2) живое — неживое, 3) неживое — живое, 4) неживое — неживое, — то понятно, что только две последние модели могут реализоваться в исследуемых ФЕ. «Неживое» в них представлено графическим знаком (буквой или совокупностью букв), а «живое» соотнесено обычно с человеком, что обусловлено, вероятно, тем, что письмо — его прерогатива.

Используя идею Ю. В. Кравцовой представлять в метафорических моделях также и семантико-когнитивный формант, мотивирующий тропеическую проекцию [9, с. 187], предлагаем его размещать посередине, что даёт возможность подчеркнуть связующую функцию признака, лежащего в основе метафоры, его роль своеобразного «моста» между двумя мирами.

Таким образом, с учётом того, что в избранном подходе метафорические модели состоят из трёх частей, две последних из которых вариативны, в исследуемом сегменте фразеологических средств русского языка можно выделить несколько моделей.

Начнем с тех, которые включают признак формы, охватывающий наибольшее количество имён букв — компонентов ФЕ [15, с. 400]. То, что именно графическая форма стала основанием для развития фразеологически обусловленного значения максимального числа букв, в определённой мере закономерно и обусловлено их оригинальным начертанием, требующим специального изучения и запоминания каждым. Графема — обобщенный графический образ буквы — сохраняется в поколениях, что делает азбучные фигуры эталоном, с которым можно сравнивать человека и предметы окружающего мира. К этому объяснению можно добавить также и пиететное отношение к азбуке, дарованной славянам ставшим святым Кириллом.

Согласно принятым в данной статье обозначениям, соответствующие метафорические модели имеют вид: 1) «графический знак —<форма>→ характеристика человека»; 2) «графический знак —<форма>→ характеристика неживых объектов». Первая из них представлена двумя субмоде-

¹ Здесь и далее примеры, кроме указанного во второй сноске, приводятся по Национальному корпусу русского языка: URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. Дата обращения: 10.10.2022.

лями: *А*) «графический знак —〈форма〉→ характеристика внешнего вида и/или эмоционального состояния человека»; *Б*) «графический знак —〈форма〉→ характеристика действий человека и/или эмоционального состояния человека».

Для иллюстрации субмодели *А* можно привести вышедшие ныне из употребления ФЕ с компонентом *оник* — уменьшительным названием буквы *он* (в современной азбуке — буква *О*). Её округлость послужила основанием для обозначения фигуры человека и его частей тела в таких ФЕ, как *сам оником, ручки фертом; ротик оником, брюшко оником, ножки хером; ротик оником, губки жёмочком*.

Можно заметить, что в перечисленных ФЕ присутствуют другие старинные имена букв, только одна из них — *ноги хером* (современное *Х*) — встречается до сих пор: *...долгополый мальчишка с синеватым пятном лица ... пошёл, приседая на прогнувшихся хером ногах, навстречу корниловскому офицеру* (Сергей Бабаян. Господа офицеры, 1994 г.).

Внешний вид человека также характеризовался в пассивный запас ФЕ с именами букв, ликвидированных в ходе реформ письма: *ноги ижицей* 'ноги, ниже колен криво расходящиеся в стороны' [27, стб. 1137]; *ротик финою* 'маленький ротик со слегка приподнятой верхней губой' (в наше время в этом значении используется выражение *губы бантиком*).

Особенный интерес представляют две относительно недавно появившиеся в русском языке ФЕ *буква зю* и *буквой зю*, в которых эксплуатируется некий воображаемый зрительный образ. Эта «новая буква», как полагает А. В. Зеленин, может реконструироваться как латинское *Z*, восходящее к фильму о Зорро — «человеке в черной маске, который шпагой «рисует» свой отличительный знак» [7, с. 79]. Другие исследователи, подчёркивая, что при мысленном воссоздании этого знака «исчезает так необходимое при воспроизведении/восприятии ФЕ чувство-переживание неестественности, невозможности (нереальная буква — нереальная поза)», обосновывают вероятность сходства выдуманной буквы с русским *З* [5, с. 157–158]. В любом случае изображение буквы «зю» представляет собой изогнутую линию, соотносённую с нетипичной для человека позой, что подчёркивается в следующем контексте (см. выделенные разрядкой слова): *Лизвета замерла в крайне неудобной позе: ноги вытянуты вдоль стены, а перекрученное туловище напоминает букву «зю»* (М. Баконина. Школа двойников, 2000 г.).

Обозначение *буква «зю»* стало прозвищем учителя математики [26, с. 64], мотивируемым прежде всего зрительным образом (фигурой педагога, его привычной позой в классе), что не исключает подкрепления акустическим образом: слишком необычен звуковой состав имени буквы.

Вторая ФЕ *буквой зю* отнесена к анализируемой субмодели в определённой мере условно: строго говоря, в её основе лежит не метафора, а сравнение. Как известно из литературы, между этими двумя тропами нет пропасти, более того, метафору в многочисленных научных и учебных изданиях определяют как скрытое сравнение. Правоммерно и обратное, правда, на чём настаивают современные учёные, с некоторым ограничением, которое в применении к изучаемому материалу принципиального значения не имеет: сравнение — это развернутая, раскрытая метафора. (В дальнейшем изложении примеры сравнения, выраженного существительным в творительном падеже, приводятся без специальных оговорок.)

Эта ФЕ шутивно-иронически обозначает скрюченную фигуру человека или частей тела: *...более высокий человек ... чувствует себя за рулём не очень уверенно: штурвал практически лежит на коленях, ноги согнуты буквой «зю» — посадка получается не совсем спортивная* (Н. Качурин. Лестница в небо, 2002 г.).

Следует отметить, что среди компонентов анализируемых оборотов лишь данная вымышленная буква входит в ФЕ, используемую для характеристики не только человека, но и животного: *Чёрная кошка лениво подняла голову, зевнула и повернулась на спину. Лапы в стороны, хвост верёвочкой, поза буквой зю* (Ульяна Гринь. Няня для дракоши, 2018 г.).

ФЕ *не отличать (различить) от ижицы аза*, внутренняя форма которой также связана с графическими особенностями букв, целиком соотносена с социальной оценкой человека: так говорят о полном невежде [21, с. 413].

Субмодель *Б* «графический знак —〈форма〉→ характеристика действий человека» представляет ФЕ, в большинстве которых используются старинные названия букв. Такие обороты описаны в литературе достаточно подробно, раскрыты их внутренняя форма и значение образного компонента для формирования семантики оборотов.

Метафорические ФЕ, построенные по данной модели, экспрессивны, они связаны с передачей информации об эмоциях, оценке, интенсивности действия. Так, оборот *стоять (ходить, смотреть, подпереться) фертом* [3, с. 407; 8, с. 65; 20, с. 191; 21, с. 411–412; 23, с. 593] используется не только для описания позы, которую принимает человек, но и его характера — самоуверенности, развязности, наглости. Ср. также ФЕ *смотреть (глядеть) глаголем* [8, с. 65; 23, с. 137], *писать (выписывать, выделывать) мыслете* [3, с. 407; 8, с. 65; 20, с. 191; 21, с. 412; 23, с. 457], *прописным азом ноги растопырить* [24, с. 1], *прописать (читать, прочесть) ижицу кому* [3, с. 409; 8, с. 65; 21, с. 413; 23, с. 267–268], *не миновать глаголя* 'о неизбежности сурового наказания за плохие дела, проступки' (по сходству буквы *Г* с виселицей) [21, с. 412–413; 23, с. 137],

хером перечеркнуть [23, с. 729], *поставить точку (точки) над и (i)* [20, с. 190; 21, с. 414; 23, с. 695–696].

В отдельную группу можно выделить изначально двух-, а затем (как результат модификации) трёхкомпонентные ФЕ, первый член которых — глагол помещения объекта в каком-либо месте определённым образом. Обычно в литературе приводится ФЕ *расставить (поставить, ставить, расположить) покоем*, которая обозначает 'расставить (поставить, ставить, расположить) в виде буквы «П»' (см., например: [21, с. 413–414]). В настоящее время используется структура *расставить буквой ...* В этой структуре «перечень переменных компонентов ограничен. Он включает имена только тех русских и латинских букв, в начертании которых используются перпендикулярные линии, образующие простейшие комбинации: Г, Л (в упрощённом написании), П, Т, X, V» [5, с. 157]. К этому списку можно добавить и замкнутую кривую, которой изображается буква О: *Я был в Люксембурге на стройке и видел квартиры, которые выходят внутрь двора. Секции стоят друг напротив друга в районе 50 метров — это жёстко. Все будут друг другу в окна смотреть, и постоянная тень, так как все секции поставлены буквой «О»*¹.

Пассивная форма глагола, а также вариант со словом *стоять* отсылает все эти обороты ко второй модели «графический знак — <форма> — характеристика неживого».

Интересно, что эта модель ФЕ, обозначающих очертания единичного неживого объекта, представлена буквами с нечёткой (для буквы «зю») или сложной (для буквы «живете») — современное Ж) конфигурацией: *Так, теперь — клумба — жёлтые цветы, дальше — белые шторы и — облако в виде буквы зю* (О. Мовсина. Всемирная история болезни, 2014 г.); *Домишка расплзся врозь как живете* [24, с. 541].

В отличие от первой модели, где выделяется отдельная разновидность для ФЕ, характеризующих действия человека, потому что таких оборотов несколько, во второй модели можно назвать только одно исключение, связанное с действием неживого объекта, причём само его обозначение является результатом метафорического переноса по типу «с живого на неживое». Речь идёт о шахматной фигуре, называемой конём, который, как обычно говорят поклонники популярной настольной игры, *ходит буквой Г*, ср. официальное обозначение передвижения этой фигуры: конь ходит на одно из полей, ближайшее к тому, на котором он стоит, но не на той же самой горизонтали, вертикали или диагонали. Соотнесение «маршрута» коня с буквой Г условно, потому что его перемещение на две клетки по вертикали и затем на одну клетку по горизонтали возможно не только вправо, но и влево (получаем зеркальное отображение буквы Г), и, кроме того, данная шахматная фигура может ходить на две клетки по горизонтали и на одну клетку по вертикали («лежачее» Г). Налицо изменение смысла словосочетания *буквой Г*, что свидетельствует о фразеологическом характере оборота, не внесённого пока во фразеологические словари.

Третья продуктивная модель, содержащая признак места буквы в алфавите, соотнесена как с человеком, так и с объектами, его окружающими, а также с абстрактными сущностями, поэтому она имеет вид: «графический знак — <местоположение> — характеристика живого / неживого». Процесс метафоризации ФЕ данной группы подробно описан в литературе. В нём участвуют названия букв, которые находятся в начале и в конце алфавита.

Начальные буквы стали символом основ учебных дисциплин и профессиональных умений, простейших знаний: *начинать с азов* 'начинать с самого простого' [3, с. 498–409; 8, с. 64–65; 20, с. 191; 21, с. 408], *познать азы* 'изучить основы наук, профессии' [3, с. 409], *не знать ни аза* (варианты — *аза в глаза не знать / не видеть, ни аза, ни аза в глаза*) 'ничего не знать' [3, с. 409; 20, с. 191; 21, с. 408], *азы да буки* 'первоначальная грамота, основы знаний, умений' [8, с. 65; 20, с. 191; 21, с. 408], *как А и Б* 'как самое простейшее' [20, с. 191; 21, с. 408]. В [24, с. 32] зафиксированы также *не смыслить ни а, ни бе (ни аза, ни буки)*.

Последняя буква старославянской и старинной русской азбуки стала символом конца, завершения дела: *дойти до ижицы* 'дойти до конца, завершить что-либо' [БМС, с. 268], ср.: *...как только простолудин начинает понимать буки-аз-ба, то он в то же время незаметно и постепенно наполняется ядом, так что когда дело дойдет до ижицы, то из прежнего кроткого и доверчивого весельчака образуется фиал, наполненный ехиднейшим ядом* (М. Салтыков-Щедрин. В деревне, 1863 г.).

Закономерно, что комбинация первой и последней букв алфавита определяют значение ФЕ 'полностью, от начала до конца'. Эта группа оборотов возникла в результате модификации библейской, издавно освоенной в русской лингвокультуре идиомы с именами греческих букв *от альфы до омеги: от А до Я, от а (аза) до ижицы, от а до зет, от А до Е, от А до зю* (см. подробнее: [5, с. 158–160]).

Четвёртая модель, построенная с учётом признака «размер», не упоминавшийся до сих пор в литературе об азбучных ФЕ, охватывает идиомы с именем буквы греческого алфавита *йота* (так же называется тонкая чёрточка под строчными гласными, пропуск которой не имеет значения для произношения, но не допускается, так как этот знак указывает некоторые грамматические формы): *ни на йоту* (восходит к евангельскому тексту), *ни одна йота, ни йоты, от йоты до йоты* [23, с. 276]. К ним можно добавить вариант *и на йоту*, весьма распространённый, как показано в [4, с. 77–78].

¹ Одесский форум, тема «Недвижимость»: Новострой по пер. Испанскому, 2. Запись 16.01.2014.

В пятую модель включён признак, который в литературе обозначается как «сложность написания слова с данной буквой» [20, с. 192; 21, с. 410] (в этом же ключе описаны ФЕ в [8, с. 65–66]), что в определённой мере затемняет то общее, что объединяет обозначающее и обозначаемое. ФЕ *на ять* как оборот, построенный по данной модели, в первом своём значении 'отлично, хорошо' обычно используется со словом-сопроводителем *знать*. Поэтому анализируемую модель точнее определить как «графический знак — <знание/незнание правила написания буквы в слове> → характеристика действий человека». Ср. также ФЕ *писать собаку через ять* и её вариант *писать корову через ять* [21, с. 410–411]. Этот же признак лежит в основе половицы *Фита да ижица — к ленивому плеть ближится* [8, с. 66].

Шестая модель «графический знак — <звучание> → характеристика действий человека» включает признак, не отмеченный в литературе об азбучных ФЕ, в которой не зафиксирован и сам оборот *операция «БИ»*, в словарях толкуемый как 'об авантюре, хитроумном, необычном деле' [25, с. 325] или — более узко — 'о срыве урока' [26, с. 465].

В статье М. В. Минаковой [15, с. 401] называется ещё один источник возникновения фразеологизм — числовое значение буквы **И**. Однако единственная ФЕ с этой буквой *ставит точки над и (i)* была заимствована из французского и закрепилась в русском в то время, когда «i десятиричное» ещё применялось в орфографии [23, с. 695–696], ср., например, омонимы *миръ* и *миръ*. Однако такая — в данном случае седьмая — модель «графический знак — <числовое значение буквы> → характеристика действий человека» всё же реализована в русском языке в выражениях *план А* и *план Б*, первое из которых не зафиксировано в справочной литературе (его значение может быть определено как 'первоначальный план'), а второе включено в Викисловарь со значением 'альтернативный, запасной план действий на случай невозможности исполнения или неэффективности первоначального плана'.

Выводы. Проанализированный фразеологический материал убедительно подтверждает, что одним из самых продуктивных средств создания фразеологических номинаций является метафорическое переосмысление. Благодаря необычным, но знакомым всем очертаниям, строгой закреплённости места в алфавите, правилам отражения на письме, обязательно изучаемым каждым ребёнком, буквы служат основанием для сравнения с человеком и предметами окружающего мира. Возникающие фразеологические образы наглядны, особенно если имеем дело с ФЕ с современными именами кириллических или латинских букв. В русском языке азбучные ФЕ мотивированы шестью особенностями букв. Если их перечислять в соответствии с фразообразовательной продуктивностью, получаем следующий список признаков, лёгших в основание переосмысления: 1) форма, 2) местоположение, 3) размер, 4) орфография, 5) нумеративная функция, 6) звучание. Четыре последних признака впервые выявлены в группе ФЕ с компонентами — названиями букв, а четвёртый и пятый — в метафорологии. Учёт шести указанных признаков позволяет утверждать, что в русском языке фразообразование в данной группе единиц осуществляется по семи метафорическим моделям.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в продолжении исследования алфавитных метафор в рамках общей теории метафорического моделирования и изучения азбук как универсального для письменных лингвокультур кода.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. *Теория метафоры*. Москва : Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Барандеев А. В. От буквы к термину. *Русская речь*. 1993. № 6. С. 89–93.
3. Будейко В. Э. Русские алфавитные фразеологизмы : лингвокультурный аспект фразеологии. *Проблемы истории, филологии, культуры*. Москва — Магнитогорск — Новосибирск, 2009. № 2 (24). С. 407–410.
4. Даниленко Л., Дядечко Л. П. [Рецензия]. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянских и грузинском языках : в 2 т. Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова. *Мовознавство*. Київ : Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України, 2020. № 2. С. 75–79.
5. Дядечко Л. П., Ван Бинцзи. Культурно-историческая обусловленность модификации фразеологизмов с буквенным компонентом в русском языке. *Русистика*. 2022. Т. 20. № 2, С. 153–166.
6. Жуков А. В. О мотивировке и выводимости фразеологизмов. *Мир русского слова*. 2013. № 2. С. 1–5.
7. Зеленин А. В. «Буква зю». *Русская речь*. 2005. № 1. С. 79–83.
8. Кочеткова Н. А. Названия старославянских букв как архаичные элементы в составе фразеологизмов русского языка. *Интеграция образования*. 2001. № 2. С. 64–66.
9. Кравцова Ю. В. Моделирование в современной лингвистике. *Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка*. 2014. Вип. 77. С. 181–189.
10. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. Москва : Высш. шк.; Дубна : ИЦ «Феникс», 1996. 381 с.
11. Лагута О. Н. Метафорология : теоретические аспекты. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003. Ч. 2. Лингвометафорология : основные подходы. 208 с.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
13. Лапшина М. Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1998. 159 с.
14. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры. *Теория метафоры*. Москва : Прогресс, 1990. С. 358–386 с.

15. Минакова М. В. Славянская азбука и фразеология. *Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке*. Тула : Тульское ППО, 2018. С. 399–402.
16. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Выш. шк., 1989. 287 с.
17. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. Санкт-Петербург : Наука, 1993. 152 с.
18. Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. Москва : Наука, 1993. 158 с.
19. Телия В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
20. Фомина Л. Ф., Яроцкая Г. С. «Азбучные» идиомы : опыт когнитивно-культурологического исследования фразеологических единиц. *Мова*. 2004. № 9. С. 189–193.
21. Фомина Л. Ф., Яроцкая Г. С. Языковая картина мира и «азбучные» идиомы. *Восточноукраинский лингвистический сборник*. Донецк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2006. С. 405–423.
22. Aristidis Quintiliani de Musica libri tres / Ed. R. P. Winnington-Ingram. Leipzig : Teubner Verlag, 1963. 198 S.

Словари

23. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Под ред. проф. В. М. Мокиенко. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ — Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
24. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : Русский язык, 1978. Т. 1: А–З. 699 с.
25. Дядечко Л. П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. Москва : Словари XXI века, 2019. 624 с.
26. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
27. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : ОГИЗ, 1935. Т. I. 1562 с.

References

1. Arutyunova, N. D. (1990), “Metaphor and discourse”, *Metaphor theory* [“Metafora i diskurs”, *Teoriya metaforoy*], Progress, Moscow, pp. 5–32.
2. Barandeev, A. V. (1993), “From letter to term”, *Russkaya Rech'* [“Ot bukvy k terminu”, *Russkaya rech'*], Issue 6, pp. 89–93.
3. Budeiko, V. E. (2009), “Russian alphabetic phraseological units : Linguo-cultural aspect of phraseography”, *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies* [“Russkie alfavitnye frazeologizmy : lingvokul'turnyj aspekt frazeografii”, *Problemy istorii, filologii, kul'tury*], Moscow — Magnitogorsk — Novosibirsk, Issue 2 (24), pp. 407–410.
4. Danilenko L., Diadechko, L. P. (2020), “A mite of biblical wisdom : A Russian-Slavic dictionary of winged expressions and aphorisms of biblical origin, with Germanic, Romance, Armenian, and Georgian equivalents” : Review, *Linguistics / Movoznavstvo* [“Lepta bibleyskoy mudrosti : russko-slavyanskiy slovar' bibleyskikh krylatykh vyrazheniy i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskom yazykakh” : Retsenziya, *Movoznavstvo*], Potebnia Institute of Linguistics, NAS of Ukraine, Kyiv, No. 2, pp. 75–79.
5. Diadechko, L. P., Wang Bingji (2022), “Cultural and Historical Causes of Modifications in Russian Phraseological Units with Letter-Name Constituents”, *Russian Language Studies* [“Kul'turno-istoricheskaya obuslovlennost' modifikatsii frazeologizmov s bukvennym komponentom v russkom yazyke”, *Rusistika*], Volume 20, Issue 2, pp. 153–166.
6. Zhukov, V. A. (2013), “On Idioms Motivation and Deducibility”, *The World of the Russian Word* [“O motivirovke i vyvodimosti frazeologizmov”, *Mir russkogo slova*], No 2, pp. 1–5.
7. Zelenin, A. V. (2005), “Letter zyu”, *Russkaya Rech'* [“Bukva zyu”, *Russkaya rech'*], Issue 1, pp. 79–83.
8. Kochetkova, N. A. (2001), “Names of Old Church Slavonic letters as archaic elements in the composition of phraseologisms of the Russian language”, *Integration of Education* [“Nazvaniya staroslavjanskikh bukv kak arkhajchnye elementy v sostave frazeologizmov russkogo yazyka”, *Integratsiya obrazovaniya*], Issue 2, pp. 64–66.
9. Kravtsova Y. V. (2014), “Modelling in the Modern Linguistics”. *Zhytomyr Ivan Franko State University Journal, Philology* [“Modelirovanie v sovremennoy lingvistike”, *Visnyk Zhytomyrskoho derzhavnogo universytetu imeni Ivana Franka, Filolohichni nauky*], Issue 77, pp. 181–189.
10. Kunin, A. V. (1996), *A course of phraseology of modern English* [Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka], Vysshaya shkola Publishing house, Editorial Center Fenix, Moscow, Dubna, 381 p.
11. Laguta, O. N. (2003), *Metaphorology : theoretical aspects* [Metaforologiya : teoreticheskie aspekty], Novosibirsk State Univ. Publishing, Novosibirsk, 208 p.
12. Lakoff, J. (2004), *Metaphors we live by* [Metafory, kotorymi my zhivym], Editorial URSS, Moscow, 256 p.
13. Lapshina, M. N. (1998), *Semantic evolution of English word (cognitive approach)* [Semanticheskaya evolyutsiya angliyskogo slova (izuchenie leksiki v kognitivnom aspekte)], Saint Petersburg State Univ. Publishing House, Saint-Petersburg, 159 p.
14. Mc Cormak, E. R. (1990), “Cognitive theory of metaphor”, *The theory of metaphor* [“Kognitivnaya teoriya metaforoy”, *Teoriya metaforoy*], Progress Publishing House, Moscow, 386 p.
15. Minakova, M. V. (2018), “Slavic alphabet and phraseology”, *Multi-paradigm contexts of phraseology in 21st century* [“Slavyanskaya azbuka i frazeologiya”, *Poliparadigmalye konteksty frazeologii v 21 veke*], Tula Production Printing Association, Tula, pp. 399–402.
16. Mokienko, V. M. (1989), *Slavic phraseology*, 2nd ed. [Slavyanskaya frazeologiya, 2-e izd., ispr. i dop.], Vysshaya shkola Publishing House, Moscow, 287 p.
17. Sklyarevskaya, G. N. (1993), *Metaphor in language system* [Metafora v sisteme yazyka], Nauka Publishing House, Saint-Petersburg, 152 p.
18. Stepanov, Yu. S., Proskurin, S. G. (1993), *Constants of world culture : Alphabets and alphabetic texts in the periods of double-belief* [Konstanty mirovoy kul'tury. Alfavitny i alfavitnye teksty v periody dvoeveriya], Nauka Publishing House, Moscow, 158 p.

19. Teliya, V. N. (1996), *Russian phraseology. Semantic, pragmatical and linguoculturological aspects [Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty]*, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publishing, Moscow, 288 p.

20. Fomina, L. F., Yarotskaya, G. S. (2004), "The alphabetical idioms : The experience of cognitive culturological research", *Movs / Language* ["Azbuchnye" idiomy : opyt kognitivno-kul'turologicheskogo issledovaniya frazeologicheskikh yedinit's", *Mova.*], Odessa I. I. Mechnikov National University, Astroprint Publishing House, Odessa, Volume 9, pp. 189–193.

21. Fomina, L. F., Yarotskaya G. S. (2006), "Language picture of the world and "alphabetic" idioms", *East Ukrainian linguistic collection* ["Yazykovaya kartina mira i "azbuchnye" idiomy", *Vostochnoukrainskiy lingvisticheskiy sbornik*], TOV "Yugo-Vostok, Ltd" publishing, Donetsk, pp. 405–423.

22. Aristidis Quintiliani de Musica libri tres / Ed. R. P. Winnington-Ingram (1963), Teubner Verlag, Leipzig, 198 S.

Dictionaries

23. Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. (1998), *Dictionary of Russian Phraseology. Historical and etymological reference [Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik]*, V. M. Mokienko (ed.), Folio Press, Saint-Petersburg, 704 p.

24. Dahl, V. I. (1978), *The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* : in 4 Volumes [*Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*], Russkiy yazyk Publishing House, Moscow, vol. 1, 699 p.

25. Diadechko, L. P. (2019), *Dictionary of winged words and expressions of our time [Slovar' krylatykh slov i vyrazheniy nashego vremeni]*, Slovare XXI veka Publishing House, Moscow, 624 p.

26. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2007), *Big dictionary of Russian sayings [Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok]*, OLMA Media Grupp, Moscow, 784 p.

27. Ushakov, D. N. (Ed.). (1935), *Explanatory dictionary of the Russian language* : in 4 Volumes [*Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*], OGIZ Publishing House, Moscow, vol. 1, 1562 p.

ВАН Бінці,

аспірант кафедри східнослов'янської філології та інформаційно-прикладних студій Навчально-наукового інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка; бульвар Шевченка, 14, м. Київ, 01033, Україна; тел.: +380637529500; e-mail: wangbj2013@foxmail.com; ORCID: 0000-0003-3981-4098

МЕТАФОРИЧНІ МОДЕЛІ УТВОРЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ З ЛІТЕРНИМИ КОМПОНЕНТАМИ

Анотація. *Мета* цієї роботи — розкрити співвідношення семантики фразеологічних одиниць (ФО) зі значенням їх прототипів, що містять у своїй структурі імена букв, і розглянути механізм формування цих ФО в когнітивному аспекті. *Об'єкт* аналізу — ФО з метафорично переосмисленими компонентами — назвами букв, а також їх образні складові. *Предмет* дослідження — структурно-семантичні особливості метафорично переосмислених компонентів ФО, когнітивні механізми метафоризації та її роль у формуванні ФО з буквеними компонентами. У дослідженні використані *методи* етимологічного, когнітивного, ономазіологічного й семантичного аналізу, а також описовий метод. *Результати* дослідження: виявлено структурно-семантичні ознаки ФО з літерними компонентами і розкрито механізм метафоризації їх формування. *Висновки.* У процесі фразоутворення важлива роль належить алфавітним метафорам, що служать способом осмислення різноманітних фактів дійсності й вираження емоцій, когнітивною матрицею для їх інтерпретації. У російській мові утворення ФО з компонентами — назвами букв здійснюється за сімома метафоричними моделями. Більшість таких одиниць мотивована зоровим образом букви, її місцем в алфавіті. Дві моделі, в яких в якості основи переосмислення виділяються орфографія й нумеративна функція, унікальні. *Практичне застосування* результатів дослідження полягає в тому, що вони можуть бути використані в навчально-педагогічній практиці під час читання курсів з фразеології російської мови, у розробці курсів з когнітивної лінгвістики й лінгвокультурології, у складанні словників.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, буквені компоненти, алфавітна метафора, метафорична модель, когнітивний підхід.

WANG Bingji,

Doctoral student of Department of East Slavic Philology and Information and Applied Studies of the Educational and Research Institute of Kyiv National Taras Shevchenko University; 14, Shevchenko Blvd., Kyiv, 01033, Ukraine; tel.: +380637529500; e-mail: wangbj2013@foxmail.com; ORCID: 0000-0003-3981-4098

METAPHORICAL MODELS OF THE FORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH LETTER COMPONENTS

Summary. The *purpose* of this work is to reveal the correlation of the semantics of phraseological units (PU) with the meaning of their prototypes containing letter names in their structure and to consider the formation mechanism of these PUs in the cognitive aspect. The *object* of analysis is PU with metaphorically rethought components — the names of letters, as well as their figurative components. The *subject* of the study is the structural and semantic features of metaphorically rethought components of phraseological units, the cognitive mechanisms of metaphorization and its role in the formation of PU with letter components. The study used *methods* of etymological, cognitive, onomasiological and semantic analysis, as well as a descriptive method. The *Results* of the research: structural and semantic features of PU with letter

components are revealed and the mechanism of metaphorization of their formation is clarified. **Conclusions.** In the process of idiom formation, an important role is played by alphabetical metaphors, which serve as a way to comprehend the diverse facts of reality and express emotions, and a cognitive matrix for their interpretation. In the Russian language, the formation of phraseological units with components — the names of letters is carried out according to seven models. Most of these units are motivated by the visual image of the letter, and its place in the alphabet. The two models that single out orthography and the numerative function as the basis for transfer are unique. The **practical value** of the research results lies in the fact that they can be used in educational and pedagogical practice when reading courses on the phraseology of the Russian language, in developing courses in cognitive linguistics and linguoculturology, and in compiling dictionaries.

Key words: phraseological unit, letter components, alphabetic metaphor, metaphorical model, cognitive approach.

Статтю отримано 18.10.2022 р.